

На правах рукописи

МАХМУДОВА САЙЁРА САФАРОВНА

**СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЕДИНИЧНОСТИ И МНОЖЕСТВЕННОСТИ
В ТАДЖИКСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

**Специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран
(таджикский язык, немецкий язык)**

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

**Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук**

Душанбе – 2023

Работа выполнена на кафедре иностранных языков, кафедре таджикского языка, кафедре русского языка ГОУ «Таджикский государственный медицинский университет имени Абуали ибн Сино»

Научный руководитель: **Джабборова Мархабо Тухтасуновна**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Джаматов Самиддин Салохиддинович** –
доктор филологических наук,
профессор кафедры языкознания и сопоставительной
типологии Таджикского государственного
педагогического университета им. С.Айни

Бобоева Мадина Маруфовна –
кандидат филологических наук, доцент кафедры языков
Таджикского технического университета им. М. Осими

Ведущая организация: Таджикский международный университет иностранных
языков имени С. Улугзода

Защита диссертации состоится «16» февраля 2024 года, в 13:30 часов на заседании диссертационного совета 73.2.012.04 при Таджикском национальном университете (734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 17).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Таджикского национального университета и на сайте www.tnu.tj

Автореферат разослан «_____» _____ 2024 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

Садуллаев Дж.М

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В настоящее время исследование разносистемных языков, в частности таджикского и немецкого, в сопоставительном аспекте достигло значительных результатов. Тем не менее, отдельные вопросы грамматических категорий в данных языках все ещё остаются вне поля зрения учёных-лингвистов. Так, средства выражения категории единичности и множественности, с точки зрения выражения количественности является не исследованной в плане межъязыковых связей разноструктурных таджикского и немецкого языков. Кроме того, в грамматиках сравниваемых языков одним из недостаточно изученных считается вопрос о количественных характеристиках в системе имени, в связи с чем вызывает особый интерес у лингвистов, типологов, переводчиков, а также методистов.

Исследование специфических особенностей разноструктурных языков во взаимосвязи с общими чертами позволяет выделить уникальные и универсальные языковые признаки и классифицировать характеризующие их свойства, семантику и функции. Изучение категории единичности и множественности как семантически универсального компонента языковой структуры имеет существенную значимость, так как данное понятие отображает одно из основных и неотъемлемых свойств предметов и явлений объективной действительности. Количественные отношения, пронизывающие и организующие язык как систему, представляют собой крайне многоплановое явление. Несмотря на то, что их определенные стороны освещались в общем и частном языкознании, проблема числа, оставаясь актуальной в лингвистике, обнаруживает проблемы, не нашедшие еще своего решения. Средства выражения категории единичности/множественности в таджикском и немецком языках до настоящего времени остаются малоизученными.

В последние десятилетия современная лингвистическая наука проявляет все больший интерес не только к проблемам сопоставительного исследования языков, связанный с успехами, достигнутыми в контрастивной и функциональной лингвистике, большой интерес также вызывают проблемы, связанные с переводами и с обучением языков. В связи с этим, рассмотрение количественной семантики числовых форм имен существительных таджикского и немецкого языков представляется важным как с теоретической, так и практической точки зрения, поскольку это необходимо не только для лингвистического анализа языка и практики перевода с одного языка на другой или наоборот, но и для обучения таджикскому и немецкому языкам.

Степень изученности темы исследования. В связи с бурным развитием функционально-когнитивных исследований изучение традиционных грамматических понятий с новых позиций становится важной частью современной лингвистики. Категория числа как одна из важнейших характеристик имени существительного, давно привлекает внимание исследователей различных лингвистических направлений. Теоретическая ценность сопоставительно-типологических исследований проявляется, прежде всего, в том, что строй основного изучаемого языка открывает новые качества и свойства при взгляде на него «с точки зрения» или «через призму» разноструктурных языков; чем отдалённее сопоставляемые языки, тем больше вероятности приблизиться к глубинным лингвистическим категориям.

Как в таджикском, так и в немецком языке категории числа посвящены отдельные разделы лингвистики, а также специальные сопоставительные исследования сравниваемых языков. Характерная противоречивость числовых значений исследуемой категории вызывает значительный интерес ученых-лингвистов. В настоящее время в науке о языке достигнуты определенные результаты в разработке понятийного аппарата категории числа. Они проявляются, прежде всего, в интерпретации явлений категоризации и концептуализации мира человеком, в освещении сложнейших проблем семантики языковых форм (в исследованиях А.А.Потемни, Е.Куриловича, О.Есперсена, С.Д.Кацнельсона, А.А.Зализняка, В.А.Звегинцева и др.).

Однако в отечественном и зарубежном языкознании недостаточно исследована именная количественность, как одна из подсистем функционально-семантического поля количественности. До сих пор не существует специальных теоретических исследований, посвященных вопросам категориальной семантики количества в сравниваемых таджикском и немецком языках.

Большой вклад в исследовании категории числа в современном литературном таджикском языке внесли такие таджиковеды, как В.С.Расторгуева, Н. Маъсуми, Р. Гаффоров, Т. Зехни, Б. Ниязмухамедов, Ш. Рустамов, С. Арзуманов, а также ученые-типологи М.Н. Абдуллаева, М.Б. Шахобова, И.Б. Мошеев, М.Н. Джалилова, Р.А. Самадова, Р.А. Шарипова, К. Усманов, Л.Ш. Малыхина и др.

Особый интерес представляет исследование М.Н.Абдуллаевой «Категория числа в русском и таджикском языках (именные части речи)». М.Н.Абдуллаева считает, что количество соответствующих предметов или явлений выражается в таджикском и других индоевропейских языках категорией числа, а «совокупность является одной из основных морфологических категорий в языке»¹. В этой связи особую актуальность приобретают исследования, проведенные в морфологическом срезе сопоставляемых языков, направленные на детальное изучение категории числа.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационного исследования – диагностировать средства выражения категории единичности и множественности на лексическом и грамматическом уровнях, сравнение и определение сходств и различий слов, относящихся к *singularia tantum* (имеющим только формы единственного числа) в сопоставляемых языках и *pluralia tantum* (имеющим только формы множественного числа) в немецком языке.

Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи**:

- изучить теоретический материал по теме исследования в таджикском и немецком языках, систематизировать существующую информацию по категории числа в сравниваемых языках;
- исследовать лексико-семантические средства выражения категории *singularia tantum* и *pluralia tantum* в сопоставляемых языках (имен существительных собирательных, вещественных, абстрактных, собственных);
- исследовать функционально-грамматические средства выражения категории единичности и множественности в таджикском и немецком языках (словообразовательные, прономинальные и синтаксические средства);
- анализировать употребление форм единственного и множественного числа во фразеологических сочетаниях таджикского и немецкого языков;
- выявить общее и специфическое в наименовании множества в таджикском и немецком языках;
- установить тенденции объективации термина *количественность* на материале таджикского и немецкого языков;
- подобрать, систематизировать и создать картографию иллюстративного материала по теме исследования из словарей, художественных произведений на таджикском и немецком языках;
- произвести сравнительно-сопоставительный анализ средств выражения единичности/множественности в таджикском и немецком языках.

Объектом диссертационного исследования является категории числа имен существительных в таджикском и немецком языках. специфика имен существительных *singularia tantum* и *pluralia tantum* в таджикском и немецком языках.

¹ Абдуллоева М.Н. Категория числа в русском и таджикском языках (именные части речи). Душанбе, 1980. 90 с.

Предметом исследования является характеристика семантических и грамматических средств выражения категории единичности и множественности в пределах таджикского и немецкого языков и художественном дискурсе.

Научная новизна заключается в том, что в диссертационном исследовании впервые проводится комплексное изучение средств выражения категории единичности/множественности, а именно: форм *singularia tantum* в таджикском и немецком языках и *pluralia tantum* в немецком языке на основе сопоставительно-типологического анализа. Впервые средства выражения единичности и множественности исследуются на лексическом и грамматическом уровнях и предпринимается описание категории количественности в расширенном понимании данных терминов. Кроме того, в диссертационной работе приводятся новые наблюдения в сфере функционирования грамматической категории числа в исследуемых таджикском и немецком языках.

Практическая значимость диссертационной работы заключается в том, что её результаты и выводы могут быть использованы в дальнейшей разработке лингвистических проблем категории числа в сравниваемых таджикском и немецком языках. Материалы исследования, его теоретические и прагматические показатели могут быть использованы при создании сопоставительной грамматики таджикского и немецкого языков, при составлении словарей и лексикографических трудов, в переводческой практике, которая требует правильное употребление таджикских и немецких средств выражения форм количественности в текстах разных стилей, также при чтении курсов и спецсеминаров по сопоставительной типологии, лексикологии, грамматики таджикского и немецкого языков, при создании учебно-методических пособий, а также в научно-исследовательских работах аспирантами и соискателями.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в углублении представления о семантической категории количественности. Диссертационная работа может служить основанием для дальнейших научных исследований не только именных средств выражения, но и обозначения единичности/множественности другими частями речи в области сопоставительно-типологической грамматики и семантики. Данное исследование может представить основу сопоставительно-типологического описания семантики языковой категории и совокупности средств её выражения с целью выявления национальной специфики каждого из сопоставляемых языков, как таджикского, так и немецкого. В диссертационной работе дальнейшее развитие получает концепция сравнения языков на основе языкового поля квантитативности.

Методологическую базу диссертационной работы составили исследования по грамматике русского, таджикского и немецкого языков, контрастивной лингвистике, лингвистической типологии, функциональной семантике и грамматике, представленные научными трудами отечественных и зарубежных, в частности, немецких, ученых, таких как А.А. Шахматова, А.А. Реформатского, В.В. Виноградова, А.М. Пешковского, Л.В. Щербы, Р.И. Аванесова, П.П. Потебни, А.В. Бондарко, А.В. Исаченко, С.Д. Кацнельсона, И.А. Трубициной, В.Г. Адмони, Л. Бузургзода, Т. Зехни, Б. Ниязмухамедова, Ш. Ниязи, С.Д. Арзуманова, Н. Маъсуми, Р. Гаффарова, Ш. Рустамова, А. Джумаева, О. Джалолова, М.Н. Абдуллаевой, И.Б. Мошеева, М.Н. Джалиловой, Р.А. Самадовой, Р.А. Шариповой, К. Усманова, М.Б. Шахобовой, М.Б. Нагзибековой, Л.Ш. Малыхиной, К.Е. Заммерфельд, Г. Мизель, Г. Штарке, Л.Р. Зиндера и других.

Методы исследования. Решению поставленной цели в значительной степени способствуют методы сравнительно-сопоставительного и описательного анализа с использованием приемов интерпретации, обобщения и классификации языкового материала, применение которых послужило основой структурного и систематизированного рассмотрения изучаемой категории в каждом из сопоставляемых языков и были выделены общие характеристики и отличительные особенности категории единичности/множественности, в частности, форм *singularia tantum* в таджикском и

немецком языках и *pluralia tantum* в немецком языке. В процессе исследования по мере необходимости применялись методы анализа в рамках исследуемой проблемы: метод компонентного и структурно-семантического анализа, метод контекстуального и переводческого анализа, для обработки результатов исследования метод количественного анализа.

Материал исследования. Материалом исследования послужили фактические данные, полученные методом сплошной выборки из текстов художественных произведений на таджикском и немецком языках и их переведенных версий, «Национального корпуса таджикского языка», «Мангеймского корпуса немецкого языка», а также данных лексикографических источников, паремиологического и фразеологического фондов исследуемых языков — толковых словарей современного таджикского и немецкого языков, словаря иностранных слов, переводческих и фразеологических словарей.

На защиту выносятся следующие положения:

- Средства выражения категории единичности и множественности в сравниваемых таджикском и немецком языках характеризуются универсальностью и национальным своеобразием.

- Сопоставляемых таджикского и немецкого языков отличает типологическая разноструктурность: таджикскому языку в связи с отсутствием флективности не свойственно явление *pluralia tantum*, тогда как категория *pluralia tantum* в немецком языке – достаточно продуктивная числовая форма для выражения множественности.

- Исследование категории числа имен существительных подтверждает, что грамматическое поведение лексических единиц является семантически мотивированным. Лексическое значение выступает позиционным условием в формировании и стабильности грамматического оформления единичности и множественности.

- Вербальные средства выражения категории *singularia tantum* в сопоставляемых языках имеют как сходные, так и отличительные структурно-семантические характеристики, что обусловлены как культурно-историческими, так и чисто языковыми причинами.

- Репрезентацией категорий единичности и множественности выступают различные словообразовательные модели в системе разноструктурных таджикского и немецкого языков.

- Категория единичности и множественности охватывает имена существительные всех лексико-грамматических разрядов – имена нарицательные, конкретные, вещественные, собирательные и собственные, а также отвлеченные (абстрактные).

- Вещественные и абстрактные имена существительные как формы категории *singularia tantum* и *pluralia tantum* характеризуются специфическими особенностями в сопоставляемых языках.

- Формы категории *singularia tantum* и *pluralia tantum* в сопоставляемых языках, употребляясь в синтаксических конструкциях, обладают одинаковой синтаксической и лексико-семантической сочетаемостью, что являются доказательством грамматической основы категории числа во фразеологических конструкциях. Числовой формой у большинства фразеологизмов-антропонимов в сравниваемых языках выступает единственное число.

- Категориально-семантическое свойство имен в сравниваемых таджикском и немецком языках может меняться в зависимости от дистрибуции или от компонентов сложного слова.

- Средства выражения категории единичности и множественности на лексическом и грамматическом уровнях, выявление сходств и различий в средствах выражения количественных признаков в сопоставляемых языках рассматривается как отображение понятийной универсальности и языковой разноструктурности.

Соответствие диссертации паспорту специальности. Диссертационное исследование соответствует паспорту научной специальности:

5.9.6. Языки народов зарубежных стран (таджикский язык).

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика, а именно следующим пунктам:

- теоретическая лингвистика;
- язык и мышление, их взаимодействие;
- когнитивный подход в современной лингвистике;
- необходимость обращения к исследованию целостного речевого акта при построении грамматических моделей;
- формулировка инвариантного грамматического значения и правил его контекстуальной модификации;
- корпусная лингвистика.

Степень достоверности результатов проведенного исследования. Достоверность полученных выводов, сформулированных в диссертационной работе, обусловлена постановкой исследовательских задач, комплексным использованием различных подходов, применением апробированных методов и приемов анализа, соответствующих объекту, целям и задачам исследования, высокой репрезентативностью эмпирической базы и ее количественным и качественным анализами, а также глубоким изучением научной литературы по проблеме диссертации.

Личный вклад автора состоит в том, что данная диссертационная работа представляет собой самостоятельное исследование, посвященное изучению средств выражения категории единичности/множественности, в частности, имен существительных *singularia tantum* в сопоставляемых языках и *pluralia tantum* в немецком языке на материале художественных произведений таджикских и немецких писателей и их переведенных версий, данных лексикографических источников, «Национального корпуса таджикского языка» и «Мангеймского корпуса немецкого языка», а также паремиологического и фразеологического фондов исследуемых языков. В диссертации определены цель и задачи исследования, использованы соответствующие поставленной задаче методы исследования, осуществлен полный комплекс необходимого анализа по всем разделам диссертационной работы, обработаны полученные данные, проанализированы и обобщены результаты исследования, сформулированы выводы и представлены конкретные рекомендации.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования, его теоретические и практические аспекты обсуждались на научно-теоретических семинарах кафедры иностранных языков Таджикского государственного медицинского университета имени Абуали Ибн Сино и были представлены в докладах и опубликованы в сборниках материалов научных конференций разного уровня: ежегодной Международной научно-теоретической конференции, посвященной "Году развития туризма и народных ремёсел", «Шёлковый путь и Евразийские межкультурные отношения – Silk road and Eurasian transcultural relations» (Душанбе-Бухоро, 2012-2018), I Международной научно-практической конференции: «Актуальные вопросы науки и практики» (Россия, Анапа, 05 марта 2022), IX Международной научно-практической конференции молодых ученых на иностранных языках «Актуальные проблемы профессиональной сферы в современном мире» (Екатеринбург, 2022), II Международной научно-практической конференции: «Актуальные вопросы науки и практики» (Россия, Анапа, 2022), Международном научно-исследовательском конкурсе (Россия, Петрозаводск, 2022).

По теме исследования опубликовано 25 статей, 6 из них в журналах, входящих в обновленный перечень ВАК РФ.

Структура и объём диссертации. В соответствии с поставленной целью и задачами диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и источников иллюстративного материала.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** излагаются основные предпосылки настоящей работы, обосновывается выбор темы, её актуальность и научная новизна, характеризуется объект изучения, кратко излагается история изучения проблемы, раскрывается теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования, формулируются его цель, задачи, методологическая основа, а также определяются положения, выносимые на защиту.

Глава I. «Лексико-семантические средства выражения единичности и множественности в таджикском и немецком языках» посвящена характеристике лексико-семантических средств выражения единичности и множественности в сравниваемых языках. Исходя из цели исследования, мы предлагаем общепринятую семантическую классификацию имен существительных. Эта классификация, на наш взгляд, представляется удобной, позволяющей систематизировать большой класс существительных, с учетом не только семантического значения, но и значения грамматического. В плане содержания категория числа не всегда репрезентирует значение “единичность” и “множественность”. Необходимо отметить, что несмотря на то, что категория числа является важной в плане содержания, она не выполняет категориальную функцию, которая охватывает все формы числа. Функция актуализации свойственна главным образом нарицательным именам существительных. В таджикском и немецком языках имена существительные разделяются на два лексико-грамматических разряда - конкретные и абстрактные. Конкретные имена, в свою очередь, разделяются на имена нарицательные, собирательные, вещественные, собственные.

Раздел 1.1. Существительные со значением собирательности и вещественности как средство выражения категории единичности и множественности в сопоставляемых языках. Имена собирательные характеризуются тем, что анумеральная семантика их колеблется между единичностью и множественностью, а семантическая структура включает сему «множественность». Имена собирательные в таджикском и немецком языках – это лексические единицы, которые обозначают однородные предметы как неделимое целое. Количественное значение образуется в результате сложения лексического, грамматического и словообразовательного значений. Данные виды значений находят своё отражение в мышлении – через познание реальной действительности.

Количественные отношения в таджикском языке могут выражаться: а). употреблением сочетаний, выражающих множественность с собирательным значением, например: «*рӯзу шаб*» (“сутки”), “*падару модар*» (“родители”), “*зану шавҳар*» (“супруги”). (“*хешу табор*» – “родственники); б). путем повтора одного и того же слова: “*гурӯҳ-гурӯҳ*” (группами), “*тӯда-тӯда*» (“кучками”)².

В таджикском языке форма единственного числа может обозначать реальное множество как нерасчленённую комплексность: «*пул*» и, наоборот, форма множественного числа может указать на предмет в единственном числе: «*аслиҳа*» – (“вооружение”) – “*яроқ*» (“оружие”) [Мальхина, с.19].

Значение «собирательность» в таджикском языке репрезентируется главным образом лексически в форме *singularia tantum*: *мардум (народ), аҳолӣ (население), лашкар (войско), кабудӣ (зелень), инсоният (человечество)*. Приведем пример: «*Дар маркази маданияти маҳаллаи номбурда вохӯрии раиси Сенат бо аҳолӣ баргузор гардид. Чор нафар занон барои машғул шудан ба чорвопарварӣ ва моҳипарварӣ воми имтиёзнок дархост карданд*» [Национальный корпус таджикского языка 2021]. – «*Встреча председателя Сената с населением* прошла в культурном центре указанного

² Абдуллаева М.Н. Сопоставительная характеристика имен существительных в русском и таджикском языках. Душанбе, 1989. 58с. С.38.

микрорайона. Четыре женщины обратились за льготным кредитом для занятия животноводством и рыбоводством».

В немецком языке собирательное значение передается чаще формами *pluralia tantum*: **die Leute (народ), die Menschen («люди»), die Ferien (каникулы)**. Например:

«**Die Gruppe** ist nur dadurch eine Gruppe, dass in ihr eine Anzahl einzelner versammelt ist, die sich mehr oder weniger voneinander abheben» [Barz. Ellynor. Selbstbegegnung im Spiel. Einführung in das Psychodrama]. – «Группа является таковой, если в её состав входят люди, которые более или менее различаются между собой».

Большинство существительных в таджикском языке со значением совокупности однородных предметов или лиц, т.е. собирательных существительных может употребляться в форме множественного числа, подчеркивая тем самым множество: «**мардум**»- «**мардумон**» («народ»), «**халқ**» – «**халқҳо**» («народ»), «**маълумот**» – «**маълумотҳо**» («сведения»).

В немецком языке, эти существительные передаются лишь во множественном числе существительными **die Leute, die Menschen**. Например: ... *befand er sich schon auf einem großen Marktplatz, wo viele Buden aufgeschlagen waren und unähliche Menschen geschäftig hin und her liefen* (Н.М., 108) – он дар майдони сергалогулаи як бозор, ки дӯкончаҳои бисъёре дар он боз буданд ва издиҳоми бешумори **мардум** рафтую мекарданд, миестод (Б.Х., 15) – он уже был на большой рыночной площади, где были разбиты покосившиеся лавки и суетливо сновали туда-сюда люди.

В современном таджикском литературном языке только в форме единственного числа употребляются названия болезней, сезонов, месяцев, наук и др. При названии болезней используются следующие формы *singularia tantum*: **шамолхурӣ (простуда), зуком (грипп), домана (брюшной тиф), сурхча (корь)**. Названия наук и школьных дисциплин в таджикском языке также выражаются только в единственном числе, например: **адабиёт (литература), таърих (история), расмкашӣ (рисование), табиатишиносӣ (природоведение), ҳуқуқишиносӣ (правоведение), забонишиносӣ (лингвистика)**.

Собирательные существительные немецкого языка при выражении названий болезней используются только в форме множественного числа: «**die Massern**» («**корь**»), *Die Erkältung (простуда), Die Grippe (грипп), Der Bauchtyphus (брюшной тиф), «Die Blättern» («чёрная оспа»), «Die Rotern» («краснуха»), «Die Pocken» («оспа») и др.*

В немецком языке собирательные существительные образуют две подгруппы: 1) конкретно-предметные лексические единицы и 2) количественные слова, которые передают понятие собирательности без учета характера единиц, образующих множество: **Die Flotte (флот), Die Armee (армия), Die Gruppe(группа)**: «*Bis zur Mitte des Tages waren die Veteranen der Gepanzerten hartnäckig gegen die Taenia angestürmt, um in den Hafen zu dringen und die Flotte zu*» [Flaubert. Gustave. Salambo]. («До полудня ветераны голлитов упорно осаждали Тению, чтобы проникнуть в порт и разрушить корабли»).

В подразделе данной главы рассматриваются вещественные имена в сопоставляемых языках, к которым относятся лексические единицы, которые характеризуют массу или материал. В таджикском языке к вещественным относятся существительные, обозначающие плоды и овощи: «**ангур**» («**виноград**»), «**зардолу**» («**абрикос**»), «**карам**» («**капуста**»); злаки: «**гандум**» («**пшеница**»), «**биринч**» («**рис**»); продукцию животноводства: «**гӯшт**» («**мясо**»), «**шир**» («**молоко**»); материалы: «**тилло**» («**золото**»), «**мармар**» («**мрамор**»), «**ангиитсанг**» («**уголь**») и др.

Спецификой вещественных существительных в таджикском языке является употребление их главным образом в единственном числе в форме *singularia tantum*, которые имея возможность делимости на части, в то же время, не поддаются счету, не могут непосредственно сочетаться с числительными. Семантика количества передаётся непосредственно посредством слов-маркёров: «**бисёр**» («**много**»), «**бисёртар**» («**больше**»), «**кам**» («**мало**»), «**камтар**» («**меньше**») или более конкретно с указанием определенного объема и веса вещества.

В таджикском языке при употреблении вещественных имен в форме множественного числа меняется семантика данных слов, которые обозначают уже не однородное по составу вещество, а виды и сорта вещества, сплошную массу вещества или занимаемое им пространство, к примеру: «*нонҳои самарқандӣ*» («самаркандские лепешки»), «*обҳои мусаффо*» («прозрачные воды»). Например: «*Себҳо пухтанд.*» («Яблоки (т.е. различные его сорта) поспели») [Усмонов, с.31].

В немецком языке вещественные существительные, характеризующие недискретные предметы, сочетаются со словами, обозначающими физические тела – мешки, вагоны, чашки. Этот процесс называется – дозификацией. При этом может исчисляться часть данной субстанции, полученная в результате ее деления, т.е. недискретный денотат становится дискретным. В немецком языке вещественные имена так же, как и существительные таджикского языка, употребляются только в форме *singularia tantum*: «*die Milch*» («молоко»), «*das Gold*» («золото»), «*das Silber*» («серебро»), «*das Leder*» («кожа»), «*das Eisen*» («железо»), «*das Kupfer*» («медь») и т.д.

Следует также заметить, что в немецком языке, так же, как и в таджикском, вещественные существительные могут указывать на разновидность вещества, характеризовать разные виды и сорта некоторых вещественных существительных и употребляться в таких случаях в форме множественного числа: «*Die Benzine*» – «бензины», «*Die Raffinerie*» – «нефтеперерабатывающие», «*Die Fette*» («жиры»), «*Die Öle*» («масла»), «*Die Holzler*» («сорта древесины») и др. Например: «*Der Troß der Krämer, die Wein – und Ölhändler, wütend darüber, daß sie nicht bezahlt wurden, begannen sich allesamt gegen Karthago zu ereifern*» [Flaubert. Gustave. Salambo, s.45]. – («Затем явилась орда торговцев: все продавцы вина и растительного масла, взбешённые тем, что им не заплатили, стали враждебно относиться к Республике»).

В немецком языке вещественные существительные употребляются в форме множественного числа при помощи слов – *arten*; – *sorten*: *Getreidearten* – хлебные злаки.

Раздел 1.2. «Употребление категории единичности и множественности во фразеологических сочетаниях». В таджикском и немецком языках общее грамматическое значение категории числа фразеологизмов-антропонимов, семантически ориентированного на черты характера человека выступает значение количественной определенности лица, обозначенный данной фразеологической единицей. В форме единственного числа фразеологизм – антропоним обозначает одно лицо, которому свойственны определенные черты характера, в форме множественного числа данное сочетание указывает на реальное множество лиц:

Средства выражения категории числа в таджикском и немецком языках характеризуются универсальностью и национальным своеобразием. Универсальность проявляется в том, что существительные, входя в состав фразеологизма, вносят значение “единичность” или “множественность” в семантическую структуру фразеологизма. Основное сходство таджикского и немецкого языков проявляется во взаимодействии категории числа с семантикой отдельных разрядов существительных – основных элементов фразеологической единицы. Формы единственного и множественного числа свойственны существительным, называющих предметы и явления, поддающихся счету. Расхождение проявляется в том, если таджикскому языку свойственно “лексикализованность”, то немецкому – “грамматизированность”.

Фразеологизмам-антропонимам свойственны те семантические признаки, какие они имеют в классе существительных. Специфика фразеологизмов-антропонимов, имеющих в семантической структуре коннотативную сему, которая выражает отношение к обозначаемому предмету – субъекту речи, ограничивает использование формы множественного числа. Исходя из этого, фразеологические единицы репрезентируют главным образом отдельное лицо, чем множество лиц.

Форму только множественного числа имеют фразеологизмы-антропонимы, содержащие в качестве стержневого компонента имена существительные со значением множественности, коллективности или парности, например, в таджикском языке:

«**Аҳли дарбор** ба якдигар низ бо ҳайрат ва даҳшат нигоҳ мекарданд» [Б.Ҳ., Ҳауф В. Мукча / тарҷ. Бобо Ҳочӣ. Душанбе: Маориф, 1978.С.28]. – «*Alle waren mehr oder minder mit dem sonderbaren Kopfputz geschmückt*». – («Придворные тоже смотрели друг на друга с удивлением и ужасом»).

«*Вақте ки маҷлисӣ зиёфат ба поён расид, аҳли маҷлис пароканда шуданд ...*» [Марги судхӯр А.С., с.25]). – «*Als sich die Feier dem Ende näherte und sich alle nacheinander verabschiedeten ...*» [S.A. Der Tod des Wucherers, Seite 28]. – («Как праздник подошел к концу, все попрощались один за другим»).

В таджикских примерах сочетания «**аҳли дарбор**» и «**аҳли маҷлис**» были переведены на немецкий язык местоимением «*все*» – «*alle*». В немецком языке фразеологизированных единиц с подобным компонентом не обнаружено, лишь выражение «**аҳли дарбор**» – «*придворные*» было переведено как «*ganze Hofstaat*».

Количественное значение фразеологизмов в обоих языках представлено либо преимущественно формой единственного числа, либо без числовой соотнесенности. Кроме того, установлены фразеологизмы-антропонимы, имеющие только формы единственного или только множественного числа.

Анализ фактического материала позволил нам выделить следующие типы фразеологизмов в таджикском и немецком языках, включающих существительных в форме единственного числа.

В первую группу вошли номинативные фразеологические единицы, с семантикой «состояния», «свойства», а также номинативные стереотипы. К номинативным стереотипам относятся словосочетания, семантика которых определяется значением композитов, образующих данное сочетание. Например, в немецком языке: «*David und Goliath*» – «хурду калон» («большой и маленький»); «*David und Jonathan*» – «ҷӯраҳои ҷонӣ» («закадычные друзья»); «*Eine Krankhiet davontragen*» – «бемор шудан» («подцепить болезнь»)³;

В таджикском языке в данную группу вошли главным образом номинативные стереотипы⁴: «**Бача дар камар (сафар) номаи Музаффар** (делить шкуру неубитого медведя; предвосхищать результат не начатого или незавершённого дела).

Во вторую группу мы включили коммуникативные фразеологические единицы с семантикой “комментарии, угрозы, требования”. По своей структуре данные фразеологизмы соответствуют предложениям. Существительные, образующие данную группу, имеют форму единственного числа. Например, в немецком языке: «*Ich bin doch nicht dein Affe*»– «ақлам дар лояи, бе ту ӯам корам буд мешавад» («у меня свой ум есть и без тебя обойдусь»); «*Ich dachte, mich kratzt der Affe*»– «ман аз фарти ӯайрату ногаҳои будани ӯолати мазкур дар лоям шах шуда мондам», «олами рӯшан дар назарам тира метофт», «аз дард дида варам бештар буд» («я остолюбонел от изумления, от неожиданности», «я света белого не взвидел», «мне небо с овчинку показалось»).

В таджикском языке: «**Биниаширо доред, ҷонаш мебарояд**» («еле-еле душа в теле»): «*Ҳуш, гуфтам, ки падарсаг худаш гурба барин модар надораду биниаширо доред, ҷонаш мебарояду ба ҷӣ корҳо машғул мебошад?*» [Муҳаммадиев Ф. Тири хокхӯрда, с.56]. («Хорошо, - говорю: «Сам, словно котенок, не имеет родителей, как говорится «еле-еле душа в теле»и умудряется заниматься такими делами».

В следующую группу вошли фразеологические шаблоны, представляющие собой конструкции, семантика которых непостоянна, но с синтаксической идиоматичностью. Существительные, прилагательные в данных конструкциях повторяются, усиливая

³ Бинович Л.Э., Гришин Н.Н. Словарь фразеологизмов немецкого языка. М.: Русский язык, 1975. С.124.

⁴ Фозилов М. Фарҳанги ибораҳои рехта. Душанбе, 1963. Ҷ.1. С.67.

лексическое значение. Например, в таджикском языке: “*Багал ба багал дарафтидан*” (сразиться): “*Ба ман муборизае даркор аст, мардинавор багал ба багал дарафтед*”⁵ (Мне нужно состязание).

В немецком языке: «*Ein Ding ein Ding sein lassen*» («оставить как есть») [Немецко-русский фразеологический словарь 1995, с.147]; «*Brust an Brust*» («грудь с грудью»); («вплотную», «близко»). «*Auge um Auge*», «*Zahn um Zahn*» («око за око, зуб за зуб»).

В главе II «Функционально-грамматические средства выражения категории единичности и множественности в сравниваемых языках» анализируются способы образования категории числа, а также их функционирование в предложении.

В науке о языке основными единицами грамматического строя являются слово, словосочетание и предложение, а также те средства, которые используются для воплощения, организации и дифференциации этих единиц – в той мере, в какой они служат именно этой цели. Различаются между собой данные единицы по признакам двух видов – по характеру выражаемых ими значений и формально-функциональным особенностям (т.е. с точки зрения формы выражения этих значений и их соотношения с формами выражения других грамматических значений). Система грамматических единиц образуется путем скрещения разнородных, хотя и связанных планов – плана обеспечения номинации и плана обеспечения коммуникации. В связи с этим такая система может быть представлена как однолинейное построение, в котором каждая высшая ступень по одному и тому же принципу надстраивается над каждой низшей ступенью и анализ которой может быть произведен на основе одного единственного критерия.

Раздел 2.1. Словообразовательные средства выражения категории единичности и множественности в таджикском и немецком языках. В данном разделе рассматриваются словообразовательные средства выражения категории единичности и множественности в исследуемых языках.

Имя существительное в таджикском и немецком языках изменяется по числам (и падежам в немецком языке). Категория числа – один из главных морфологических признаков имени существительного, отличающий существительное таджикского языка от имени прилагательного. Форма единственного числа имеет нулевой показатель. Множественное число является маркированной формой, что характеризует язык.

Важно заметить, что в языках основное значение формы множественного числа – это обозначение множественности, противопоставляемой единичности: «*китоб*», – «*das Buch*» («книга»); «*китобҳо*», – «*die Bücher*» («книги»); «*хонанда*», – «*der Schuler*» («ученик») «*хонандагон*», – «*die Schüllern*» («ученики») и т.д. Но, кроме этого, формы множественного числа могут передать и другие значения. Грамматическими средствами выражения единственного и множественного числа в системе разноструктурных языков выступают различные аффиксы, характерные для имён, употребляющихся либо только в единственном, либо только во множественном числе. Сюда также входят сложные слова, состав которых определяется сингулятивными компонентами.

В исследуемых языках *singularia tantum*, будучи словоизменительной номинативной категорией, показывает, что предмет или лицо представлены в количестве, равном одному. Эта категория является характерной чертой имени существительного, так как для остальных частей речи категория числа является факультативной. *Pluralia tantum*, будучи словоизменительной номинативной грамматической категорией, показывает, что предмет или лицо представлены в большем количестве, чем один. Раздельная множественность – это основное значение формы множественного числа. Множественному числу свойственно также обобщено – собирательное значение, которое указывает на совокупность предметов и лиц.

Формам *singularia tantum* и *pluralia tantum* также свойственна оппозиция: *pluralia tantum* характеризует регулярную соотнесённость с объективной множественностью, в

⁵ Там же. С.87.

частности, в немецком языке. Следует отметить, что форма *pluralia tantum* характеризуется значительно большей семантической конкретизацией, чем форма *singularia tantum*, которой свойственно как соотношение с реальной действительностью, так и с её отсутствием.

В таджикском языке для существительных, обозначающих множественное число характерны словообразовательные суффиксы **-ҳо**, **-он** (**-ён**, **-вон**, **-гон**) и др., например: суффикс **-ён**: «доничуён» («студенты»), «муҳарирон» («редакторы»). Однако, по мнению Ш.Рустамова, употребление данных морфем как показателей множественного числа весьма отличается, так как «для языка классической литературы обычно отмечается дистрибуция этих показателей, основанная на противопоставлении имен одушевленных (множественное число на **-он**) и неодушевленных (множественное число на **-ҳо**). В современном таджикском языке **-ҳо** приобретает универсальный характер употребления, хотя наряду с ним функционирует суффикс **-он** (с его алломорфами **-ён**, **-гон**, **-вон**), выступающий, как правило, при именах одушевленных и при немногих именах неодушевленных [Рустамов, 1972, с.35].

В таджикском языке значение особой единичности выражают характеризующиеся прежде всего специфическими образованиями имена существительные с суффиксом **-ак(-як)** обозначающие единичный предмет, выделенный из однородного вещества или совокупности таких же предметов. Например: «нахӯд» – «Erbse» («горох»); «нахӯдак» – «Tupfen» («горошек»); «барф» – «Schnee» («снег»); «барфак» – «Schneeflocke» («снежинка»); «чормағз» – «Walnuß» («орех») – «чормағзак» – «Nuss» («орешек»); «сӯзан» – «Nadel» («игла») – «сӯзанак», «Nadel» («иголка») и др.

В таджикском языке существительные абстрактные, имеющие только единственное число и обозначающие единичность, образуются с помощью продуктивных суффиксов: **-ӣ** (**-гӣ**): «осонӣ» - «Einfachheit» («простота»), «далерӣ» - «Tapferkeit» («мужество»), «боигарӣ» - «Reichtum» («богатство»), «мардонагӣ» - «Mut» («смелость»), «пирӣ» - «Alter» («старость»); **-гарӣ**: «одамгарӣ» - «Menschlichkeit» («человечность»), «хешигарӣ» - «Verwandtschaft» («родственность»), **-иш**: «ситош» - «Lob» («восхваление»), «навозиш» - «Zuneigung» («ласка»), «бориш» - «regnerisch» («дождливость»), **-ор**: «гуфтор» - «Sprechen» («говорение»), «рафтор» - «Verhalten» («поведение»), а также малопродуктивных суффиксов, как: **-о**: «гармо» - «Hitze», («зной»), **-ос(-ас)**: «фишиос» - «Zisch», («шипение»), **-гонӣ**: «зиндагонӣ» - «Leben» («жизнь»), **-ам(-ям)**: «модалият» - «Modalität» («модальность») [Грамматика тадж., с.115-116]. В немецком языке данные существительные передаются префиксами **-моно**, **-уни** или простыми словами: «Monogamies», «Uniformität», в составе данных имён, не выделяя компоненты единичности.

При исследовании образования абстрактных существительных таджикского языка мы выявили, что они иногда могут образовать формы множественного числа. Формы множественного числа в таких случаях характеризуются конкретностью (точнее: если абстрактные существительные приобретают конкретное значение, то они могут употребляться и во множественном числе). например: «шодӣ» («радость») – «шодиҳои нахустин» («первые радости»), «зебой» («красота») – «зебоиҳои табиат» («красоты природы»), «баландӣ» («высота») – «баландиҳои кӯҳӣ» («горные высоты»).

Суффиксами немецкого языка, образующими абстрактные имена и употребляющимися в форме *singularia tantum*, являются: **-tat**, **-heit**, **-keit**, **-te**, **-ie**, **ische**, **liche**, **-e**, **-isch**, **-tion**, **-en**, **-schaft**, **-heit**, **-ung**. Собирательные существительные немецкого языка имеют суффиксы: **-heit**, **-urn**, **-turn**, **-schaft**, **-ei**, **-volk**, **-werk**, **-ling**, **-zeug**: «Menschheit», «Freundschaft», «Bevölkerung», «Nahzeug», «Schuhwerk»,

Категории числа и падежа в немецком языке являются собственно грамматическими (словоизменительными), поэтому важным типологическим отличием немецкого языка от таджикского является выражение множественного числа с помощью специальных аффиксов (формантов): суффиксов, внутренней флексии (умлаутов) и артикля.

Следовательно, основными способами репрезентации числа в немецком языке выступают: а) система падежных окончаний единственного и множественного числа, которые различаются типом склонения; б) имена существительные, которые представлены группами слов или единичными словами; в) акцентные различия.

Спецификой таджикского языка является употребление арабских заимствований, множественное число которых образованы внутренней флексией, например: «мактаб» («школа») – «макотиб» («школы»), «олим» («ученый») – «уламо» (ученые), «илм» («знание») – «улум» («знания»). Данные слова подверглись семантическим изменениям и уже рассматриваются шире как собирательные существительные [Грамматика, с.101]. В таджикском языке заимствованные существительные также образуют множественное число с помощью суффиксов *-от* (*-ёт, -ат, ят*), *-ун* и «ломаного множественного»: «муаллим» («учитель») – «муаллимин» («учительство, учителя»), «ахбор» («новость») – «ахборот» («новости»); данные суффиксы могут присоединиться даже к некоторым словам иранского происхождения: «богот» – («сады»), «деҳот» («деревни»), «навиштаҷот» («записи»).

В работы мы не выявили четкого соответствия суффиксов при передаче с одного языка на другой, что объясняется расхождением грамматической системы двух языков. Но было установлено, что при переводе отвлеченных имен существительных таджикского языка на немецкий язык чаще используются суффиксы *-schaft, -tion*.

Категория числа, выражающая количественные отношения, существующие в реальной действительности и отраженные в сознании носителей определенного языка, имеет морфологическое выражение в соответствующих формах как таджикского, так и немецкого языков.

Теоретический анализ научной литературы, а также исследование фактического материала позволяет выделить два типа образования единственного числа (1. В данном типе сильное склонение имен существительных с нулевой флексией в именительном, винительном и частично в дательных падежах; материально выраженное окончание в родительном падеже *-es* является факультативным в дательном падеже: - (*e*); 2. Этот тип характеризуется трехчастностью: корень+показатель конъюктива – е + окончание) в немецком языке. Приведем пример:

«*Ach was, meine Liebe, du redest lauter Unsinn!*» rief der Senator und warf sich sehr ungeduldig zurück» [Remarque, Erich Maria. Arc de Triomphe, s.12]. – («*Ах, перестань, душенька, чепуху молоть! – воскликнул сенатор и нетерпеливо залез в кресло*»).

«*Ich sagte (Unsinn). Und wenn du weiter so redest, nehme ich das nächste Flugzeug*» [Bukowski, Charles. Das Liebesleben der Nyäne, s.34]. – («*Я сказала чепуху, и если ты будешь продолжать в том же духе, я сажусь на первый же самолёт домой*»).

Немецкий язык характеризуется различными способами образования множественного числа, связанные с синтетической спецификой данного языка. Вслед за И.Г.Тагиль, мы выделяем три типа существительных во множественном числе⁶ (1. Существительные, образующие посредством суффикса – *e* + умлаут: *Wörter*; 2. Существительные с нулевой флексией с умлаутом и без умлаута; 3. Существительные с флексией – *s* : *Die Decks, Die Echos*).

Раздел 2.2. Пронаминальные средства выражения категории единичности в немецком языке. Безличные предложения с местоимением *ES* получили в немецком языке широкое распространение, например: «*Ich sitze in meinem Zimmer bei der Lampe; es ist ein wenig kalt, denn ich wage es nicht, den Ofen zu versuchen; was, wenn er rauchte und ich müßte wieder hinaus?*» [Rilke, Rainer Maria. Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge, s.67]. («*Я сижу у себя в комнате подле лампы; немного холодно, я не решаюсь затопить печь. Вдруг снова начнёт чадить и снова придётся бежать на улицу?*»).

⁶ Тагиль И.П. Грамматика немецкого языка. М.: Каро, 2021. 357 с.

Важно заметить, что в германистике существуют разные позиции в отношении прономинальной формы *Es*. Наиболее распространённой является точка зрения, согласно которой форма *Es* семантически подлинно выступает лишь в контекстах, где она заменяет существительное или может быть заменено им, т.е. является нейтральным местоимением среднего рода единственного числа.

В немецком языке *Es* – «носитель предикативного признака» в безличных предложениях выражается следующим образом:

1) как отдельная словоформа (наименьшая дискретная словоформа, т. е. существующая раздельно единица языка.). В конструкциях такого типа – подлежащее выступает главным компонентом: «*Der Schnee fiel jetzt auch auf sein Gesicht, auf seine Augen und seinen Mund, aber er schmolz nicht*» [Remarque, Erich Maria. *Drei Kameraden*, s.56]. – («*Теперь снег падал и на его лицо, на глаза и губы, но не таял*»).

2) Форма предиката при опущении подлежащего (элиминации подлежащего): «*Sie rührte sich und sah ihn an*» [Remarque, Erich Maria. *Liebe Deinen Nächsten*, s.34]. – («*Она вздрогнула и посмотрела на него*»).

Общеизвестно, что безличные конструкции свойственны всем индоевропейским языкам, за исключением бесподлежащих предложений, свойственных славянским языкам и немецкому, в частности, где субъектом-подлежащим выступает прономинальное местоимение *Es*, которое обладает не только семантическим, но и структурным аспектом [Duden. *Deutsches Universalwörterbuch A-Z*. Mannheim-Leipzig-WienZürich: Dudenverlag, 1996, s.996].

Исходя из множества функций, характеризующихся определённой упорядоченностью, В.Г.Адмони считает прономинальное местоимение *Es* категорией, имеющей в одном из своих полюсов форму личного местоимения третьего лица единственного числа с обобщённым значением. В данном направлении «крайним» случаем употребления формы *Es* является десемантизация, т.е. *Es* занимает «пустое место» [Адмони, 1986, с.81]. Иными словами, происходит процесс «убивания» семантической формы *Es*.

Следует заметить, что прономинальное местоимение *Es* свойственно немецкому языку и не обнаруживается в таджикском языке. Однако на материале таджикского языка была выявлена транспозиция прономинальных слов в структуре безличных конструкций.

Имеющийся в нашем распоряжении языковой материал позволил выделить следующие транспозиции прономинальных слов в структуре безличных предложений.

1. Транспозиция происходит внутри грамматического разряда с одинаковой семантикой. Сюда мы включили вопросительно-относительные местоимения – *чӣ тавр*, *чӣ хел*, *чӣ гуна* (какой? каково?): *Нақшаҳои шумо чи хел?* (Каковы ваши планы?); *Шумо чӣ гуна ниятҳо доред?* (Каковы ваши намерения?)

2. Безличные конструкции, включающие вопросительно-относительное местоимение – *чӣ тавр* (как).

3. Безличные предложения с указательным местоимением *ҳамин хел*, *ҳамин гуна аст*, *чунин аст* (таков): *Ба мо ҳамин хел одам лозим аст* (Нам нужен такой человек).

В безличных конструкциях прономинальное сочетание *чӣ тавр* (каково) выступает в качестве главного члена предложения и приобретает семантику “состояния человека”:

“*Ҳеҷ чиз не, аҳволат чӣ тавр аст? – гуфт Едгор*⁷ [Айнӣ С. Дохунда, с.45]. – *Нет, ничего, как твоё здоровье? – спросил Едгор.*

Следует заметить, что в таджикском языке проблема предикации прономинальных контаминантов остается открытой.

Раздел 2.3. Функциональные (синтаксические) средства выражения категории единичности и множественности в сопоставляемых языках. В данном разделе более

⁷ Айнӣ С. Куллиёт // Айнӣ С. Луғати нимтафсилии тоҷикӣ барои забони адабии тоҷик. Душанбе, 1976. Ҷ.12. С.13-558.

подробно рассмотрим функциональные средства выражения категории **единичности и множественности** в таджикском и немецком языках.

Имена существительные в предложении, как известно, выполняют функции всех членов предложения. Наиболее распространенным способом сочетания имен существительных являются изафетные конструкции, где существительные выступают не только в качестве определяемого слова, но и иногда даже определения. Синтаксическая специфика вещественных имен существительных проявляется в том, что в форме множественного числа данные существительные сочетаются с предикатом, главным образом, в форме единственного числа, при этом они выступают в роли субъекта.

Синтаксическая специфика вещественных имён существительных таджикского языка проявляется в том, что в форме множественного числа данные существительные сочетаются с предикатом главным образом в форме единственного числа, при этом они выступают в роли субъекта. Например:

*«Гӯитҳои бадан пора-пора шуда **меафтод**»* [Чалил Р. Асарҳои мунтахаб, с.78]. – (*«Плоть тела распадается на куски»*).

В приведенном предложении вещественное существительное **“гӯитҳо”** («мясо») выражает разновидность этого продукта и относится к сказуемому **«меафтод»** в единственном числе.

В предложениях предикат употребляется во множественном числе, если субъектом являются однородные вещественные существительные:

*«Аз он ҷойҳо марги муш ва **маъданҳои** пурқимат ва рангҳои камъёб мебароянд»* [Чалил Р. Асарҳои мунтахаб, с.89]. – (*« Из тех мест приходит смерть мышей, драгоценные **минералы** и редкие цвета»*). В данном предложении вещественное существительное **«маъданҳо»** (**«руды», «ископаемые. “минералы»**) в роли субъекта при сказуемом во множественном числе **«мебароянд»** выражается в форме множественного числа, так как обозначает виды металлов.

Следует заметить, что в таджикском языке имена существительные с семантикой «собираемости» – **«мардум»** (**«люди»**), **«лашкар»** (**«войско»**), **«халқ»** (**«народ»**) сочетаются с предикатом не только в форме множественного числа, но и в форме единственного числа:

*«Мардуми Бухоро ҳамин касби Раҳими танбӯриро ба назар гирифта ва ба номи ӯ калимаи «қанд»-ро илова карда, ӯро «Раҳими Қанд» **мегуфтанд**»* [Айнӣ С. Марги судхӯр, с.26].– *«Бухарцы учли эту профессию Раҳими Танбури и добавили к его имени слово «сахар» и назвали его «Раҳими Қанд».* В предложении собирательное имя “мардум” сочетается с предикатом **“мегуфтанд”** во множественном числе.

Существительные множественного числа, образующиеся форм посредством суффикса – **он**, требуют предиката в форме сказуемого во множественном числе:

*«Подшоҳ аз ҳама аввал ба худ омад ва чапак зад. Ва дарҳол тамоми издиҳом аз ҳаяҷону шавқ гулгула карданд ... вақте ки подшоҳ авалин шуда қарсак зад, анбӯҳи **одамон** бо нидои хурсандона: ... **фарёд бардоистанд**»* [Б.Х., с.17]. – (*«Король первым пришел в себя и хлопнул в ладоши. И тотчас же вся толпа взревела от волнения... когда король первым аплодировал, **люди закричали от радости**»*).

*«Бинобар ин ӯро **одамони** сарватманд дар тӯйҳо ва меҳмондорихои пуртантанаи худ **даъват намекарданд**»* [Айнӣ С. Марги судхӯр, с.24]. – (*«Именно поэтому богатые **люди не приглашали** его на свои свадьбы и приемы»*).

Отсутствие соотнесённости форм единственного числа с реальной единичностью в таджикском языке наблюдается при дистрибутивном употреблении форм единственного числа существительных: *«сағҳо давиданд, думро бардошта»* (т.е. *«сағҳо давиданд, ҳар як думашонро бардошта»*). Примером синтаксического способа выражения единичности могут также служить сочетания таких прилагательных, как **«ягона»** – **«одни»** и местоимения **«ҳар як»** – **«каждые»** с именами существительными. Данные формы в количественном значении с существительными множественного числа не сочетаются:

«ягона чангак» («единственная вилка»); «як чарх» («одно колесо»), «ҳар як шабонарузӣ» («каждую ночь»).

В современном таджикском языке наблюдается тенденция к согласованию в числе предиката с субъектом-подлежащим, выраженным неодушевлённым существительным в форме множественного числа. Более частые случаи согласования в числе предиката и неодушевлённого субъекта, выраженного конкретными, абстрактными, вещественными существительными, не являются случайным явлением.

Личные существительные в таких сочетаниях могут присоединять суффикс множественности, а также употребляться без него: «даҳ нафар шогирд» – «даҳ нафар шогирдон» («десять учеников»); “ ҳаждаҳ нафар аскар» – “ҳаждаҳ нафар аскарон» («восемнадцать воинов»); «ду нафар гулом» – «ду нафар гуломон» («два раба»); «се нафар ҷаллод» - «се нафар ҷаллодон» («три палача»). Оппозиция личных и неличных существительных таджикского языка проявляется также и в характере согласования в числе с глаголом. Например, субъект, выраженный существительным в форме множественного числа, согласуется с предикатом в числе: «Созандагон бо чаимони гурусна ба тугунчаи кушода истодаи пирамард нигоҳ мекарданд. Чубдорон вайро пешандоз карда, ба сӯи дарвоза тела доданд». – («Строители смотрели на колено старика. Охранники подтолкнули его к воротам»). Субъект, выраженный неличным существительным во множественном числе, может иметь предикат не только в форме множественного числа, но и в форме единственного числа: «Сутунҳои дуд ба ҳаво баланд мешудаанд. Танкҳо аз наздикии камингоҳи Анваров мегузаштанд». – («Столбы дыма поднимались в воздух. Танки проходили возле засады Анварова») [Национальный корпус таджикского языка, 2000].

При субъекте, выраженном личным существительным в форме единственного числа, предикат иногда может употребляться во множественном числе для подчёркивания уважительного отношения к тому или иному лицу: «Устоди ман фармудаанд, ки ин дафтарро ба шумо расонам, - гуфт Абуали бо ҳаяҷон. Анварҷон расидем! – фарёд зад Аниса давон ба оишона» [Шерали Мӯсо. Ҳикояҳо, с.123]. – («Мой учитель приказал мне передать вам эту тетрадь, - взволнованно сказал Абуали. Мы доехали Анвардҷан! - кричала Аниса, убегая на кухню»).

Говоря о синтаксических связях между числительными и существительными, следует отметить, что в сопоставляемых языках они различны. В таджикском языке существует довольно сложная система обозначения действия с одним или более чем одним его производителем. Имена числительные в таджикском языке не имеют формы множественного числа, за исключением тех случаев, когда выражают приблизительность и принимают суффиксы имён существительных – **ҳо**, - **он**: «даҳҳо», «садҳо», «ҳазорон». В этом случае они квалифицируются как счётные существительные («десятки», «сотни», «тысячи» и т.п.).

Согласно нормам таджикского языка в данных конструкциях одушевлённые и неодушевлённые имена существительные употребляются в единственном числе.

Как было отмечено выше, синтаксические связи числительных и существительных в системе разноструктурных языков не совпадают. В частности, числительное **як** – **один** в таджикском языке сочетается с существительными только в единственном числе:

«**Як зани муштира**, хомӯшу ханнаке. Ба қавле: «деҳ ки хӯрам, зан, ки мурам!»; Абрӯ чизе дарк карду аз фишори ханда арақи ба даҳон гирифтаашро бо **як пуфи** аҷиб берун андохт» [Аҳмадзода Ю. Ишқи духтари кулаҳпӯш, с.71]. – («Тихая женщина. Как говорится: «дайте мне есть, дайте мне умереть!»; Абрӯ что-то понял и под напором смеха выплюнул водку, со странным пыхтением»).

Таким образом, в современном таджикском языке можно выделить различные способы выражения категории единичности и множественности на синтаксическом уровне, отражающие в то же время разное соотношение количества и качества.

Различие в способах выражения единичности и множественности в синтаксических структурах обуславливается разной степенью качественной конкретизации количества.

Как известно, в системе языка грамматические единицы должны быть в достаточной мере ёмкими, чётко организованными и гибкими [Адмони, 2003, с.23].

Это проявляется прежде всего в создании разнообразных систем оформления слова как грамматической единицы с точки зрения формального выражения грамматических значений. В этой плоскости и различаются такие структуры, как изолирующая, агглютинирующая, флективная и аналитическая, которые при всей трудности их разграничения выступают вполне отчётливо и на которых мы поэтому специально останавливаться не будем.

Относятся эти структуры как к парадигматической, так и к синтагматической системе грамматического строя. Соответствующие формы, например, флективные, образуют, с одной стороны, непосредственно парадигматическую систему морфологических форм, а с другой стороны, синтагматический ряд в речевом потоке. В той или иной степени эти структуры, являясь непосредственно лишь видами построения слова, окрашивают весь грамматический строй соответствующих языков, воздействуя на строение таких синтаксических единиц, как словосочетание и предложение.

Однако из этого не следует, что к этим структурам сводится и ими обосновывается всё многообразие построения грамматических единиц во всех языках. При всей важности этих структур как способов организации взаимоотношения между лексическим и грамматическим значением слова, они лишь взаимодействуют с некоторыми другими структурными закономерностями, которые служат для обеспечения семантической ёмкости грамматических единиц, т.е. для создания их цельности, их способности вместить значительное смысловое содержание при сохранении своего единства (внутренней связанности и отграниченности от соседних компонентов).

В немецком языке весьма многообразны средства, служащие для организации структурного единства предложения и словосочетания.

Важным способом организации развёрнутых синтаксических единиц является обязательная сочетаемость разрядов слов и форм слов. Вводимая в предложение форма слова иногда сама по себе ещё не может придать достаточной завершенности всей конструкции в целом без прибавления к ней ещё какой-либо словоформы или нескольких словоформ. Особенно важна структурная недостаточность, когда она касается главных членов предложения (предикативного ядра), в первую очередь глагольного сказуемого, которое является «вершиной», организующим центром всего предложения. При этом следует заметить, что контекст и ситуация могут «разгрузить» предложение, позволяя «обойтись» без непосредственного включения в него соответствующей сочетающейся формы, поскольку обязательная проекция на неё именно как на некую форму уже содержится в той или иной из введённых в предложение форм, а своё реальное смысловое наполнение эта проецируемая форма получает из речевой ситуации или контекста. Для создания определённой схемы построения синтаксических единиц разные языки в соответствующих случаях используют специальные формы слова. Например, в немецком языке существительное+определение в единственном числе в родительном падеже: «*Das Licht der Sonne*» – («Свет солнца»).

Немецкий язык также характеризуется портативностью словосочетаний. В группе существительного собранность и выделимость всей группы в целом достигается наличием рамки, образуемой самим существительным и артиклем и охватывающей все согласующиеся члены группы, а также постпозитивным примыканием к существительному всех несогласующихся членов. Подвижность этой группы, несмотря на ограниченную флективность существительного, в достаточной мере обеспечивается наличием монофлексии, то есть чётким выражением падежа в артикле или другом согласующемся члене группы, например: «*Dem alten Mann*» – («Старик»), или кооперированием грамматической выразительности флексии согласующихся членов

группы, например: «*Dieser Hande*» – («*Эта рука*») чётко выраженное множественное число в форме самого существительного ограничивает многозначность «*dieser*» в женском роде, так что сочетание этих форм ясно выявляет значение родительного падежа.

Однако в большинстве случаев в немецком языке среди различных признаков того или иного грамматического ряда (построения) чётко выделяются признаки наиболее важные, доминирующие, которые придают этому ряду известную цельность, единство, даже при некотором расхождении между этими признаками и другими признаками данного ряда. Например, синтаксическая сочетаемость существительных *pluralia tantum* – «*Masern*», «*Kosten*» – «*Корь*», «*запраты*» настолько полно совпадают с обобщённым грамматическим значением существительных, обладающих падежными показателями, что принадлежность слов типа «*Masern*», «*Kosten*» к существительным совершенно очевидна.

Основными единицами синтаксических конструкций, на которые наслаивается та или иная «колонна» грамматических нагрузок, является в немецком языке не морфема, а форма слова. Это вызывается тем, что отдельные служебные морфемы в немецком языке в силу своей многозначности выражают определённые грамматические значения, как правило, не сами по себе, а лишь путём их соотнесения с основой слова. В первую очередь это касается окончаний *-e*, *-en* и нулевого окончания. Существенную роль играет здесь также широкое развитие в немецком языке внутренней флексии, которая наиболее прямо ведёт к выражению тех или иных грамматических значений внутри самой основы. Например, в слове «*Wälder*» – «*леса*» множественное число выражается, конечно, показателем – *er*, но оно выражается также умлаутом в корне:

«*Die Funken, vom Winde fortgetragen, flogen weit umher. Auf den Bergen gerieten ganze Wälder in Brand, und um die Täler flammten Feuerkränze* [Flaubert, Gustave. Salambo, s.89]. – («*Горящие головни, уносимые ветром, разлетались далеко вокруг, и на горах горели леса, окружая долины венцом пламени*»).

«*Um den Krieg mit Nachdruck zu unterstützen, hatte Naravas seine Wälder erschöpft. Er hatte die jungen und die alten Tiere, die Männchen und die Weibchen genommen. Diese kriegerische Kraft seines Reiches erholte sich nie wieder*» [Flaubert, Gustave. Salambo, s.56]. – («*Чтобы вынести войну, Нар Гавас опустошил свои леса, взял старых и молодых слонов, самцов и самок; военная сила его царства была безвозвратно сломлена*»).

Трудность чёткого разграничения «колонн» грамматических значений, опирающихся на основу слова и на его окончание, связана ещё с тем, что во многих случаях даже полная форма слова (основа+окончание) не даёт его чёткой грамматической характеристики, которая достигается лишь с помощью служебных слов и контекста. В таком сочетании, как «*dem lieben Freund*», или в таком предложении, как «*Wir lieben*», грамматические значения части речи (в обоих примерах), падежа, числа и лица устанавливаются только на основании контекста. Окончание *-en* выражает непосредственно лишь значение множественного числа у глагола.

Общее количество значений в немецком языке, опирающихся на одну форму слова, может быть значительным. Так, форма «*Hunde*» в предложении «*Die Hunde bellen*» («*Собаки лают*») прямо или косвенно несёт следующие грамматические значения, выражая их путём «кооперирования» с другими формами, наличествующими в предложении: 1) синтаксическое значение подлежащего; 2) значение определённости; 3) значение мужского рода; 4) значение множественного числа, например:

«*Dar ҳавлӣ боз ду сағбача зиндагӣ мекарданд ...*» [Хауф В. Мукча / тарҷ. Бобо Ҳочӣ. Душанбе: Маориф, 1978. С.9]. – («*Во дворе жили еще два щенка*»).

«*Euer Suffet hat die gefräßigen Hunde ausgerottet!*» [Flaubert, Gustave. Salambo, s.45]. – («*Ваш суффет уничтожил прожорливых псов!*»).

Также важно заметить, что сама структура слова используется в немецком языке как некая аналогия словосочетанию, участвуя в обеспечении портативности (гибкости, организованности, компактности) предложения.

В главе III «Функционально-семантическое поле количественности в системе разноструктурных языков» анализируются поля «квантитативность» и «определенность» в таджикском и немецком языках.

В современном языкознании проблема типологии языков связана с теорией языковых универсалий – закономерных соотношений между элементами языкового строя различных языков. Само понятие о закономерностях данного рода было сформулировано Л.В.Щербой⁸.

Отмечая необходимость сопоставительно-типологического исследования языков, Л.В.Щерба отмечал, что при этом могут быть выявлены «взаимообусловленность» отдельных составляющих данных языков⁹.

Феномен множественности в сравниваемых языках представлен следующими двумя полями: 1) нулевое поле множественности 2) поле наличия множественности. Последнее включает микрополя второго, третьего и т.д. порядка.

Раздел 3.1. Полевой анализ категории квантитативности в таджикском и немецком языках. В сравниваемых языках сема «множественность» выполняет роль фона в семном составе лексических единиц, образующих поле квантитативности. Роль спецификаторов выполняют семы, характерные имплицитам определенного микрополя. Каждое микрополе обладает своими ядерными и периферийными языковыми средствами выражения «квантитативности». Ядром микрополя «множественность» в таджикском языке является окончание множественного числа существительных «в чистом виде». При этом следует заметить, что окончания множественного числа местоимений и прилагательных в немецком языке, будучи второстепенными, обладают дополнительной информацией.

В немецком языке ядром микрополя «множественности» выступает арктикль *Die*, умлауты .

Как было указано выше, в таджикском языке ядро микрополя «множественность» составляют существительные во множественном числе, в немецком языке – арктикль *Die* или умлауты *Ä, Ö, Ü*. Исключением в сравниваемых языках являются существительные с семантикой «сбирательности», которые имеют значение квантитативности в единственном числе, а также контекстное употребление формы единственного числа в обобщенно – сбирательном значении.

Анализ языкового материала позволил установить, что существительные множественного числа в таджикском и немецком языках, сочетаясь с разными лексическими спецификаторами, могут обозначать:

1. Определенное количество («чанд қадам» («несколько шагов»), «аксар духтарон» («большинство девушек»), «ду гурӯҳ» («две группы»); «як ҷуфт» («одна пара»); «ҳар дуяшон» («оба»); «*beide Freunde*» («оба друга»); «*zehn Tische*» («десять столов»). **Приведем пример:** «Чанд қадами қатъи бигузошт. То остонаи дари хориҷ омад, ки аз шафати он ойинаи қаднамо меистод»¹⁰. («Сделал несколько решительных шагов. Он подошел к порогу выходной двери, возле которой стояло зеркало»).

2. Приблизительное количество (қариб, тақрибан, тахминан, *etwa* – **приблизительно**): «Дар ин миён тақрибан шаш моҳ гузашт»¹¹. («С тех пор прошло приблизительно шесть месяцев»).

3. Неопределенно большое количество (ҳама, ҳамагон (все), ҳамагӣ (всего), *Menge von Menschen* (множество людей): «Дар ин миён автобусе омад. Қадаме чанд дуртар аз онҳо истод. Ронанда фуруд омад» [Ахмадзода Ю. Ишқи духтари кулаҳпӯш, с.25]; – («Тем временем подъехал автобус. Мужчина остановился в нескольких шагах от них. Водитель вышел»).

⁸ Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.: ЛКИ, 2008. 432 с.

⁹ Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.: ЛКИ, 2008. С.175.

¹⁰ Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷ.2. М.: Советская энциклопедия, 1969. С.324.

¹¹ Там же. С.352.

4. Тотальное множество («бисёрӣ», «мачмӯъ», «зиёдӣ», «сершуморӣ», «фаровон» («очень много»); «alle», «alle Tiere» – «все звери»). Ядро “нулевого поля” в немецком языке составляют лексические единицы отрицания: *kein, nicht* – *не, нет (у)*. Данные лексические единицы не во всех контекстах имеют значение “нулевая квантитативность”. Репрезентацией семы “нулевое множество” являются случаи, когда при перенесении в положительный контекст, репрезентируются семы “единичность” и “квантитативность”.

Вышеперечисленные поля в сопоставляемых языках в определенных контекстах способны пересекаться. Так, в частности, существительные с семантикой «собирательности» могут входить в поле «единичности» и «квантитативности», так как в своей семантической структуре имеют компоненты «совокупность» и «множество».

Вышеизложенное положение, позволяет констатировать, что категория множественности в сопоставляемых языках может реализоваться на следующих языковых уровнях:

1. Грамматический уровень (в таджикском языке – личные окончания множественного числа глагола; в немецком языке – определенный артикль *Die* и умлауты *Ä, Ö, Ü*).

2. Словообразовательный уровень (суффиксы множественного числа: (-*ҳо, -он (-вон, -гон, -ён)*), словообразовательные компоненты).

3. Лексический уровень (собирательные существительные – «*тӯда*» – «*Haufen*» («куча), местоимения – «*ҳама*», «*ҳамагӣ*», «*баъзе*», «*баъзеҳо*» («некоторые»), «*Menge*» («множество»), «*viele*» («многие»), «*einige*» («некоторые»), «*beide*» («оба»); глаголы – «*бисёр шудан*», «*ҷамъ шудан*»; «*sich vergrößern*» – «увеличиваться», «*sich sammeln*» – «собирать»

4. Лексико-синтаксический уровень (перечисления, повторы, словосочетания – *майда-майда* (медленно); *ein Glas Tee* (стакан чая).

Анализ фактического материала позволил выделить в немецком языке эксплицитно выраженную квантитативность и внутреннюю имплицитность. Примеры эксплицитно выраженной квантитативности: “- *Ja-, sagte ich, >vor sieben Jahren sind wir beide ihn oft gegangen und haben unten bei Trischlers gespielt*” [Gustav M. Der Golem] – *Да, - сказал я, - семь лет назад мы часто ходили здесь вместе, а потом играли там внизу у Тришлера.*

Внутренняя имплицитность: “*Sie nickte ihm zu und trippelte hinter ihm her*” [Albert C. Die Pest]. «*Вай сар ҷунбонда, зуд аз пасаш рафт*». («Она кивнула и быстро пошла за ним»).

Имплицитная квантитативность обозначает движение, совершаемое многократно, часто повторяющееся. Сопоставление таджикского и немецкого языков на основе поля «квантитативности» позволил выявить расхождение в строении указанных полей: большая/меньшая «грамматизированность» или «лексикализованность» ядра поля и его периферии, а также наличие / отсутствие аналогичных конститuentов того или иного микрополя.

Своеобразие языков также проявляется в том, что лексические единицы с семантикой “квантитативности” могут входить в микрополя, не имеющие семантики “количества”. Так, например, в таджикском языке слово *қариб* (“*приблизительное количество*”), входит в микрополе “родство”.

Важно заметить, что при полевом аспекте учитывается не только основное значение языковой единицы, также принимается во внимание контекст и его влияние на семантику лексической единицы.

Раздел 3.2. Полевой анализ категории определённости в таджикском и немецком языках. Анализ языкового материала позволил выделить ядро семантико-прагматического микрополя «определенность» в таджикском языке – числительное *як – один*, так как обладает высоким прагматическим потенциалом, также покрывает все качества / свойства семантической сферы «определенность» - конкретность, индивидуальность.

В таджикском языке микрополе с семантикой «определенность» имеет трехмерную структуру. **Ядро поля** образует числительное *як – один*. **Центральную зону** составляют лексические единицы единственного числа с семантикой «собирательности» (*пул, дару девор*), а также – имя собственное. **Периферию** составляют личные местоимения единственного числа с местоименными энклитиками.

В немецком языке на основе анализа языкового материала было установлено, что ядро микрополя “определенность” образует определенный артикль, покрывающий всю семантическую сферу определенности, конкретности. Микрополе “определенность” в немецком языке имеет четырехмерную структуру: **ядро поля, центральная зона, переходная зона и периферия.**

Многогранность поля «определенность» в системе разноструктурных языков обусловлена многозначностью языковых средств, репрезентирующих семантику «определенность». В таджикском и немецком языках языковые средства показывают разный уровень прагматической информации, связанной с позицией адресанта и ситуацией общения.

Разнообразие элементов поля «определенность» указывает на маркированный характер положительного противочлена оппозиции определенность / неопределенность и необходимость рассматривать «определенность» как релевантный фактор в коммуникативном пространстве.

В заключении подводятся итоги исследования.

Результаты проведённого анализа позволяют сделать следующие выводы:

1. Основным содержанием категории числа в системе разноструктурных языков выступает противопоставление семантики «единичности» и «множественности».

2. Средством номинации неисчисляемых понятий, таких как: имена собирательные, вещественные и абстрактные выступают лексические единицы в форме только единственного числа.

3. Существительные в форме единственного числа могут обладать полной парадигмой числа, т.е. иметь не только форму единственного числа, но в определенных контекстах форму множественного числа.

4. Главные расхождения были выявлены при сравнении грамматических средств выражения категории единичности и множественности в рассматриваемых языках. Для каждого языка характерны свои грамматические средства выражения числа, репрезентирующиеся основные грамматические значения, что позволяет характеризовать различные предметы и явления окружающей действительности в количественном отношении. Установлена связь интернумерального понятия с грамматикой и лексикой, а именно: собирательность, вещественность и абстрактность.

5. Типологическое расхождение проявляется также в том, что немецкий язык относится к языкам синтетическим, таджикский – к языкам аналитического типа.

6. Полевой подход выступает эффективным способом описания квантитативности и определенности в системе исследуемых разноструктурных языков.

7. Понятия, сформировавшиеся в сознании о конкретном участке действительности, проходят этап языковой объективизации. Итогом объективизации являются лексикализованные и грамматикализованные языковые единицы.

8. Многообразие элементов микрополя “определенность” в таджикском и немецком языках выступает доказательством прагматической актуальности репрезентации определенности в дискурсе.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи, опубликованные в журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. **Махмудова, С.С.** Муқоисаи сохтори исмҳои забони олмонӣ бо забони тоҷикӣ (Сравнительная структура существительных в немецком и таджикском языках) / С.С.Махмудова // Вестник Педагогического университета. – Душанбе: ТГПУ им. С.Айни, 2019. – №1 (78). – С.60-65.
2. **Махмудова, С.С.** Категория собирательности в таджикском и немецком языках: Сопоставительный аспект) / С.С.Махмудова // Вестник Педагогического университета. – Душанбе: ТГПУ им. С.Айни, 2021. – №6(95). – С.84-87.
3. **Махмудова, С.С.** Абстрактные имена как способ выражения *Singularia Tantum* в таджикском и немецком языках (на материале художественных произведений) / С.С.Махмудова // Вестник Педагогического университета. – Душанбе: ТГПУ им. С.Айни, 2021. – №5 (94). – С.61-64.
4. **Махмудова С.С.** Феномен *Pluralia tantum* в системе таджикского и немецкого языков: Сравнительный аспект / С.С.Махмудова // Доклады Национальной Академии наук Таджикистана. Отделение общественных наук. – Душанбе, 2021. – №4 (267). – С.247-250.
5. **Махмудова, С.С.** Имена собирательные в системе разноструктурных языков / С.С.Махмудова // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: ТНУ, 2022. – №5. – С.187-192.
6. **Махмудова, С.С.** Специфика грамматической категории определенности / неопределенности с позиции грамматики текста (на материале таджикского и немецкого языков) / С.С.Махмудова // Вестник Педагогического университета. – Душанбе: ТГПУ им. С.Айни, 2022. – №4 (99). – С.69-73.
7. **Махмудова, С.С.** Употребление категории таджикского и немецкого языка в фразеологических сочетаниях (сопоставительный аспект) / С.С.Махмудова // Вестник Современное педагогическое образование. Серия филологических наук. – М., 2023. – №1. – С.500-506.

Публикации в других изданиях:

1. **Махмудова, С.С.** Категория числа имен существительных в русском и немецком языках / С.С.Махмудова // Новые направления и концепции в современной науке: материалы III Международной научно-практической конференции. – Смоленск, 2019. – С.62-64.
2. **Махмудова, С.С.** Категория наклонение / С.С.Махмудова // Робитаи таклими сифати таълими забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ дар партави паёми пешвои миллат. – Душанбе, 2019. – С.169-173.
3. **Махмудова, С.С.** Лексико-семантические средства выражения категория *singularia tantum / pluralia tantum* в таджикском и немецком языках / С.С.Махмудова // Достижения и проблемы фундаментальной науки и клинической медицины: материалы научно-практической конференции (69-й годичной) с международным участием, посвященной 30-летию Государственной независимости Республики Таджикистан и «Годам развития села, туризма и народных ремёсел (2019-2021)». – Душанбе, 2021. – С.292-293.
4. **Махмудова, С.С.** Существительные со значением собирательности как средства выражения категория *singularia tantum / pluralia tantum* в таджикском и немецком языках / С.С.Махмудова // Достижения и проблемы фундаментальной науки и клинической медицины: материалы научно-практической конференции (69-й годичной) с международным участием, посвященной 30-летию Государственной независимости Республики Таджикистан и «Годам развития села, туризма и народных ремёсел (2019-2021)». – Душанбе, 2021. – С.301-302.

5. **Махмудова, С.С.** Теоретический сопоставительный анализ существительных с количественными значениями в немецком и таджикском языках / С.С.Махмудова // Актуальные проблемы сопоставительно-типологического изучения языков. – Душанбе: РТСУ, 2022. – С.87.
6. **Махмудова, С.С.** Сравнительная типология словосочетаний в немецком и русском языках / С.С.Махмудова // Современная медицина: традиции и инновации: материалы юбилейной 70-й научно-практической конференции ГОУ “ТГМУ им. Абуали ибни Сино”. – Душанбе, 2022. – С.265-266.
7. **Махмудова, С.С.** Сравнительная типология словообразований в немецком и русском языках / С.С.Махмудова // Современная медицина: традиции и инновации: материалы юбилейной 70-й научно-практической конференции ГОУ “ТГМУ им. Абуали ибни Сино”. – Душанбе, 2022. – С.266-268.
8. **Махмудова, С.С.** Функционально-семантическая категория количественных отношений предикативных элементов при переводе английского и немецкого языках / С.С.Махмудова // Актуальные вопросы науки и практики: материалы I Международной научно-практической конференции (Россия, Анапа, 05 марта 2022 г.). – Анапа, 2022. – С.49-55.
9. **Махмудова, С.С.** Имена существительные при выражении категории *singularia tantum / pluralia tantum* в сопоставляемых языках / С.С.Махмудова // Актуальные вопросы науки и практики: материалы II Международной научно-практической конференции (Россия, Анапа, 08 апреля 2022 г.). – Анапа, 2022. – С.39-44.
10. **Махмудова, С.С.** Полевой анализ категории определенности в таджикском и немецком языках / С.С.Махмудова // Российская наука в современном мире: материалы XLV Международной научно-практической конференции. Ч.2 «Научно-издательский центр «Актуальность.РФ». – М., 2022. –С.72-76.
11. **Махмудова, С.С.** Специфика местоимений третьего лица в таджикском и немецком языках / С.С.Махмудова // Актуальные проблемы профессиональной сферы в современном мире: материалы IX Международной научно-практической конференции молодых учёных на иностранных языках. – Екатеринбург, 2022. – С.61-63.
12. **Махмудова, С.С.** *Singularia Tantum* в таджикском и немецком языках / С.С.Махмудова // Актуальные проблемы профессиональной сферы в современном мире: материалы IX Международной научно-практической конференции молодых учёных на иностранных языках. – Екатеринбург, 2022. – С.58-59.
13. **Махмудова, С.С.** Семантическая категория числа в таджикском и немецком языках / С.С.Махмудова // Лучшая научно-инновационная работа: сб. статей Международного научно-исследовательского конкурса. – Петрозаводск, 2022. – С.106-109.
14. **Махмудова, С.С.** Характеристика простых предложений немецкого, таджикского, английского и русского языков и их сопоставление / С.С.Махмудова // Инновационная траектория развития современной науки: материалы Международной научно-практической конференции. – Петрозаводск, 2022. – С.55-59.
15. **Махмудова, С.С.** Морфологическая структура слова в немецком языке / С.С.Махмудова // Научные достижения: теория, методология, практика: материалы XL Международной научно-практической конференции. – Анапа, 2022. – С.49-55.
16. **Махмудова, С.С.** Структура простого предложения немецкого, таджикского и русского языков и их сопоставление / С.С.Махмудова // Современные тенденции языкового образования: опыт, проблемы, перспективы: материалы республиканской научно-практической конференции. – Душанбе: РТСУ, 2023. – С.91-96.
17. **Махмудова, С.С.** Образование множественного числа существительного в немецком, русском и таджикском языках / С.С.Махмудова // Современные тенденции языкового образования: опыт, проблемы, перспективы: материалы республиканской научно-практической конференции. – Душанбе: РТСУ, 2023. – С.96-99.

18. **Махмудова, С.С.** Грамматическая категория одушевленности и неодушевленности в русском и немецком языках / С.С.Махмудова // Современные тенденции языкового образования: опыт, проблемы, перспективы: материалы республиканской научно-практической конференции. – Душанбе: РТСУ, 2023. – С.100-104.